

А. Д. Некипелов¹

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Теория экономического роста является, как известно, важнейшим элементом современной макро-

¹ Вице-президент Российской академии наук, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от “робинзонады” до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

экономики. При этом под экономическим ростом понимается динамика во времени объема «совокупного продукта», производимого (а потому обмениваемого, распределяемого и потребляемого) за избранный временной отрезок (обычно — год). Большое значение, придаваемое таким агрегированным показателям, связано с тем, что совокупный продукт рассматривается как основа общественного благосостояния.

Следует сразу обратить внимание на то, что в соответствии с таким подходом общественное благосостояние приобретает в стандартной макроэкономической теории «скалярную природу»: оно может

(и должно) выражаться через один-единственный показатель. Правда, вопрос о том, какой именно показатель (валовой внутренний продукт, валовой национальный продукт, национальный доход и т. п.) в наибольшей степени подходит для этих целей, остается в некоторой степени открытым.

При жестком следовании этим установкам темпы экономического роста оказываются окончательной мерой успеха, а понятия «экономический рост» и «экономическое развитие» должны рассматриваться как синонимы.

Изложенный подход к проблеме измерения общественного благосостояния и его динамики был в общем и целом принят не только экономической теорией, но и практикой. Во всех странах придается большое значение максимально точному измерению «масштабов экономической активности»; с этой целью повсеместно внедрена и непрерывно совершенствуется так называемая «система национальных счетов». Мировое сообщество уделяет большое внимание международному сопоставлению темпов роста различных государств. Моделирование экономического роста стало одним из популярных направлений экономических исследований.

Между тем целый ряд недостатков, внутренне присущих рассматриваемому подходу, давно известны. Он не позволяет учесть такие виды экономической деятельности, результаты которых не становятся объектом рыночных сделок. К ним, в частности, относятся и труд внутри домашних хозяйств, и негативные экологические последствия человеческой деятельности. Показатель стоимостной величины совокупного продукта не в состоянии «ухватить» такие важные аспекты общественного благосостояния, как уровень дифференциации доходов населения. Действительно, разве может быть обществу безразлично, как распределяется произведенный им продукт? Наконец, методологически трудноразрешимые проблемы возникают при сопоставлении показателей экономической активности за длительный период времени (появляются новые продукты, меняются структуры производства и цен), а также между различными странами (результат сравнения будет отличаться в зависимости от того, цены какой из сравниваемых стран будут применяться при обчете национальных показателей).

Экономическая наука в стремлении элиминировать (или хотя бы смягчить) эти проблемы действует по трем основным направлениям.

Первое состоит в попытке усовершенствовать сам показатель агрегированного продукта. Известна предпринятая в 1972 году попытка двух известных американских экономистов Дж. Тобина и У. Нордхауза сконструировать показатель экономической активности, учитывающий труд в домашних хозяйствах и неблагоприятные последствия для экологии от производственной деятельности человека. Характерно название этого показателя — NEW (с одной стороны английское слово “new” означает «новый», а с другой — название NEW является аббревиатурой: net economic wealth, что означает «чистое экономи-

ческое благосостояние»). И хотя были проведены экспериментальные измерения масштабов экономической деятельности с помощью нового показателя, в практику он так и не вошел: сказался прежде всего большой объем затрат, связанных со сбором необходимой информации.

Второе направление состоит в том, чтобы в методологически сложных (а иногда и попросту неразрешимых) случаях, касающихся измерений и сопоставлений совокупных продуктов, выработать на основе «конвенции» применяемый подход. Это, разумеется, не решает проблемы по существу, но по крайней мере позволяет добиться единообразия в статистическом измерении экономического роста в разные периоды времени и в разных странах.

Наконец, третье направление связано с попыткой перейти от использования одного измерителя социально-экономического прогресса к системе измерителей. Такой подход получил широкое развитие. В экономический анализ, призванный дать общую оценку экономическому развитию, стали вовлекаться многие показатели; кроме того, начали активно конструироваться разнообразные индексы, нацеленные на формирование обобщенной характеристики по крайней мере части результатов экономической деятельности (к примеру, индекс человеческого капитала). Следствием такого развития событий стало «разведение» понятий «экономический рост» и «экономическое развитие» и возникновение особой экономической дисциплины «экономика развития» (development economics).

Нет сомнений в том, что работа по всем этим направлениям улучшает наше понимание результатов экономической деятельности, ее эффективности, а потому является полезной в практическом отношении. Однако остаются нерешенными следующие немаловажные вопросы.

Во-первых, попытка сформировать единый стоимостной показатель общественного благосостояния постоянно сталкивается с препятствием в виде принципиального отсутствия рынков для некоторых продуктов человеческой деятельности. Это препятствие приходится преодолевать за счет тех или иных «конвенций», что само по себе является свидетельством отсутствия «чистого решения», лишённого элементов произвольности.

Во-вторых, система показателей, позволяя нам получить «стереоскопическое» представление о результатах социально-экономического процесса, никогда не дает обобщающей оценки его результатам. Построение же на их основе любых индексов может быть основано только на некоторых достаточно произвольных договоренностях. Это связано с тем, что значение любого индекса зависит от «весов» показателей, используемых при его расчете.

С учетом изложенного обратим внимание на следующие моменты.

Совокупный продукт представляет собой не скалярную величину, а вектор товаров и услуг, произведенных за соответствующий период. Его можно трансформировать в скалярную форму только при

помощи цен этих благ и услуг, которые (цены) являются продуктом рынка (а потому отсутствуют там, где его нет). Именно с этим и связаны те проблемы межвременных и межстрановых сопоставлений, о которых упоминалось выше. Кроме того, методология измерения общественного благосостояния на основе стоимостной величины совокупного продукта имеет, строго говоря, ограниченное применение — только к рыночной экономике. Это наводит на мысль о ее теоретической ущербности: ведь в истории человечества существовали и иные формы организации хозяйственного взаимодействия людей, и мы не можем утверждать, что в тех обществах вообще не стояла задача обеспечения общественного благосостояния.

В попытках вырваться из всех этих ограничений и плохо совместимых с чистой наукой компромиссов естественным представляется обращение к хорошо разработанной в рамках микроэкономической теории проблеме индивидуального благосостояния так называемого «экономического человека». В известной «задаче потребительского выбора» личный доход рассматривается как мера благосостояния индивида, но делается это только потому, что денежный доход может быть трансформирован в набор товаров и услуг, максимизирующих уровень благосостояния соответствующего индивида. В макроэкономике совокупный доход страны, равный по стоимостной величине совокупному продукту, рассматривается уже как *непосредственная* мера общественного благосостояния. Происходящее с этой целью суммирование индивидуальных доходов прямо противоречит принятому в микроэкономике запрету на проведение межличностных сравнений благосостояния. В этом проявляется качественное различие между микроэкономикой как «чистой наукой» и макроэкономикой как «реалистической наукой».

Но можем ли мы применить к проблеме измерения общественного благосостояния выработанный микроэкономической теорией подход к определению индивидуального благосостояния? Этот вопрос можно сформулировать иначе: нужна ли нам «чистая макроэкономика», построенная на тех же принципах, что и современная микроэкономика?

Попытка «лобового» применения микроэкономического подхода к макроуровню состоит в следующем. Прежде всего необходимо определение системы социальных предпочтений по отношению ко всем мыслимым состояниям «окружающего мира». Далее: нужно иметь исчерпывающее представление о разного рода ресурсных ограничениях, с которыми сталкивается общество. И если бы удалось чисто теоретически решить эти две задачи, то выбор наилучшего, с точки зрения общественного благосостояния, использования имеющихся ресурсов стал бы идентичен выбору, который делает «экономический человек» в рамках проблемы потребительского выбора.

Кстати говоря, применение такого подхода означало бы формирование «чистой, или векторной, макроэкономики», в рамках которой получили бы четкое определение такие распространенные понятия, как социальный интерес и общественные приорите-

ты. Первый отождествлялся бы с уровнем благосостояния, максимально достижимым при имеющихся ресурсах. Под приоритетными для общества видами деятельности мы бы понимали те сферы, на долю которых ранее выделялось недостаточное с точки зрения общественных интересов количество ресурсов.

Однако «лобовой подход» не проходит: преградой для него стала знаменитая «теорема о возможности» К. Эрроу. Американский экономист поставил вопрос о том, каким должно было бы быть «правило общественного выбора», позволяющее трансформировать индивидуальные предпочтения членов группы в предпочтения группы в целом? Ответ оказался неожиданным для него самого: таким инструментом перехода одних предпочтений в другие может быть только «диктатор», то есть человек, распространяющий свои взгляды на благосостояние на группу в целом.

Проблема, несмотря на огромные интеллектуальные усилия многих ученых, остается открытой до настоящего времени. Одно из направлений поиска связано с изменением самой постановки задачи. Новый вопрос состоит в том, каким будет социальный выбор при том или ином действующем механизме его совершения? Конечно, к такой постановке можно предъявить претензию в тавтологичности: ведь получается, что для того чтобы социум мог совершить выбор, он должен вначале сделать выбор о том, как этот выбор совершать. Но, быть может, речь здесь должна идти не о тавтологичности мышления, а о реальной противоречивости объекта. Ведь сами правила принятия решений в рамках социума не были неизменными на протяжении человеческой истории. Изменения в них происходят и сегодня, в благоприятных случаях — по определенным правилам.

Конечно, «чистая теория общественного благосостояния» (если таковая будет создана) не сможет непосредственно применяться для анализа реальной экономики и процесса принятия политических решений. Здесь будет действовать полная аналогия с микроэкономической теорией, основные концепции которой, включая проблему потребительского выбора, не могут практически использоваться. Ценность чистой теории носит не утилитарный, а идейный характер. Она помогает понять как сложную конфигурацию внутренних сил, движущих обществом и его членами, так и ограниченность «реалистичной науки» в их трактовке.

В свою очередь стандартная макроэкономика и теория экономического роста как ее важная составная часть «сплющивают» сложную многомерную (векторную) реальность до простого скалярного представления. Упрощая реальную картину мира, эта теория помогает понять основные взаимосвязи в реальной жизни и на этой основе принимать решения. Но она неизбежно порождает искажения, а потому становится необходимым дополнительный, но уже выходящий за рамки макроэкономики «реалистический анализ» в рамках «экономики развития». Таким образом, делается необходимая для реальной жизни попытка если не ликвидировать, то уменьшить разрыв между концепциями экономического роста и развития.